

По поводу Письма Н. А. Бердяева

Рѣшивъ предоставить для письма Н. А. Бердяева страницы своего журнала и вниманіе своей аудиторіи, редакція Современныхъ Записокъ высказала пожеланіе, чтобы вмѣстѣ съ письмомъ Н. А. Бердяева былъ бы напечатанъ и мой отвѣтъ на него.

Приступая къ этому отвѣту, я нахожусь въ тѣхъ же чувствахъ, въ которыя меня, вотъ уже 15 лѣтъ, неизмѣнно погружаетъ все, что выходитъ изъ подъ пера Н. А. Бердяева.

Какъ во всѣхъ книгахъ и статьяхъ Н. А. Бердяева, такъ и въ его Письмѣ въ редакцію, въ какомъ то смыслѣ все вѣрно и въ какомъ-то — все вѣрное искажено. На днѣ духовнаго опыта и критическаго сознанія Н. А. Бердяева безусловно лежитъ подлинная и весьма существенная для настоящаго историческаго момента истина, но въ бурливомъ и порою «мутномъ» (выраженіе З. Н. Гиппіусъ) потокѣ его писаній лицо этой истины часто настолько смѣщается, растягивается и искажается, что иныхъ, духовно не слишкомъ близкихъ Н. А. Бердяеву критиковъ право трудно винить въ томъ, что они детонируютъ въ воспріятіи образа его истины.

Отчасти эта двойственность объясняется, конечно, писательскою манерою Н. А. Бердяева, тѣмъ фактомъ, что онъ свое сложное, во многомъ новое и духовно революціонное міроощущеніе неизмѣнно излагаетъ въ той стародавней, по его собственной терминологіи реакціонной, формѣ русской публицистической статьи, которой органически чужда объективность, какъ научно философскаго понятія, такъ и эстетически завершеннаго образа.

Но это, конечно, только отчасти. Въ недоразумѣніи между Н. А. Бердяевымъ и многими изъ его критиковъ виноваты въ концѣ концовъ, конечно, совершенно иные причины.

Одинъ, глубоко чтущій и любящій Н. А. Бердяева «лѣвый» человѣкъ, горячо защищая его отъ нападокъ своего лагеря, какъ то при мнѣ воскликнулъ: «Я очень

люблю и цѣню Николая Александровича, но ненавижу «Бердяевщину». Я думаю, что своеобразный защитникъ былъ правъ, причемъ, говорю, конечно, не о распредѣленіи симпатій (это дѣло личное), а о теоретической необходимости отличать Бердяева отъ Бердяевщины, которая не есть, конечно, случайное непониманіе Н. А. Бердяева со стороны нѣкоторыхъ изъ его единомышленниковъ (недоразумѣніе), а глубоко заложенная въ самомъ Н. А. Бердяевѣ *необходимость* такого непониманія (тяготѣющей надъ Бердяевымъ рокъ).

Что дѣло обстоитъ именно такъ, доказываетъ лучше всего тотъ фактъ, что «Бердяевщина» не всегда остается атмосферой вокругъ Бердяева, но превращается иногда во внутреннее измѣреніе его собственнаго творчества. «Новое Средневѣковье» — очень хорошій Бердяевъ; «Философія неравенства» — во многомъ весьма сомнительная «Бердяевщина». Различать оба явленія надо, но раздѣлять нельзя; и Н. А. Бердяевъ напрасно сѣтуетъ на русскихъ критиковъ, что они главнымъ образомъ избрали своимъ предметомъ «философію неравенства». «Философія неравенства» — главная ошибка «Новаго Средневѣковья». А критиковать вѣдь и значить вскрывать ошибки. Иностранная мысль въ этой тяжобѣ между Н. А. Бердяевымъ и его русскими критиками не указка. Для Гайзерлинга и другихъ нѣмецкихъ рецензентовъ несправедливость Бердяевскихъ нападокъ на все освободительное движеніе въ Россіи очень, конечно, мало существенна: они въ этомъ движеніи не участвовали, они имъ не освободились. Думаю потому, что ихъ справедливость къ Бердяеву имѣетъ свою обратную сторону: весьма равнодушное отношеніе къ Россіи.

Всѣмъ этимъ я отнюдь не отрицаю весьма правильнаго ощущенія П. А. Бердяева, что русская, такъ называемая «общественно политическая» критика глубоко поражена направленчески избличительнымъ полемизмомъ. Думаю только, что духа этой критики въ нападеніяхъ на Бердяева со стороны сотрудниковъ «Современныхъ Записокъ» какъ разъ не было. Это совсѣмъ, конечно, не значить, что между П. А. Бердяевымъ и «Современными Записками», поскольку они представляютъ собою нѣкоторое единство духовныхъ устремленій, нѣтъ никакого расхожденія; расхожденіе, конечно, есть, и даже очень большое; затушевывать его и вредно, и бессмысленно; наоборотъ, его надо всѣми силами

всюду и на всемъ четко вскрывать, отчетливо формулировать, ибо мы призваны жить и дѣйствовать въ эпоху большихъ линій и послѣднихъ, разсѣкающихъ рѣшеній. Но расхождение (о которомъ рѣчь еще впереди) — расхождениемъ, а единение — единениемъ.

На страницахъ «Современныхъ Записокъ» печатаются художественныя произведенія такихъ «правыхъ» по духу беллетристовъ, какъ Бунинъ и Шмелевъ, въ нихъ много пишутъ такой опредѣленный представитель «религіознаго сознанія» какъ Гиппиусъ, и опредѣленно православный демократъ Демидовъ. Въ моихъ «Мысляхъ о Россіи» «Современныя Записки» допускаютъ къ высказыванію совершенно невозможныя въ старомъ «лѣвомъ» журналѣ положенія, по своему духу иногда весьма близкія Н. А. Бердяеву. Соціализмъ «Современныхъ Записокъ» лишенъ всякой утопической ноты, всякой позитивистической заносчивости, и никогда ни у кого изъ сотрудниковъ не звучитъ той лже- или анти-религіей, за которую его старается выдать Н. А. Бердяевъ. И все это, конечно, не случайное качаніе въ стоячихъ водахъ безпринципности, а сознательный поворотъ руля, который опредѣленно требуется течениемъ времени, и который характеренъ не только для «Современныхъ Записокъ», но и для очень многихъ очаговъ эмигрантской культуры, которые очевидно зацвѣтаютъ какою-то новою жизнью.

«Даваемые демократіей и соціализмомъ отвѣты сами по себѣ далеко не исчерпываютъ запросовъ человѣческаго духа. Они разочаровываютъ и не могутъ не разочаровывать тѣхъ, кто неосновательно ожидаетъ найти въ нихъ рѣшеніе послѣднихъ или хотя-бы предпослѣднихъ вопросовъ о человѣкѣ и человѣческой исторіи».

«Нужно-ли доказывать? На религіозномъ *сознаніи* и только на немъ построится будущая общественная идеология».

«И я утверждаю, что революціонная демократія только потому не спасла своей политической святости Учредительнаго Собранія, что для нея ничего не было святѣе политики, что она Самого Бога была склонна мыслить безсмертнымъ предсѣдателемъ транспланетарнаго парламента и революціонные громы 17-го года восторженно, но и наивно приняла за его звонокъ открывающій историческія пренія по вопросу республиканскаго устройства Россіи».

Откуда всѣ эти цитаты? Изъ Бердяева? — Нѣтъ.

Всѣ онѣ изъ статей тѣхъ критиковъ Н. А. Бердяева (М. Вишняка, З. Гиппиусъ, Ф. Степуна), которымъ онѣ почему-то считаетъ нужнымъ разъяснить такія ясныя для нихъ вещи, какъ то, что антирелигіозная политика — ложь, что всякое политиканство, утверждающее абсолютное и верховное значеніе политики въ жизни — обманъ, что въ русскомъ освободительномъ движеніи велась подчасъ острая и въ корнѣ не правая борьба противъ величайшихъ явленій русской національной культуры вплоть до Достоевскаго.

Во всемъ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, у «Современныхъ Записокъ» съ Н. А. Бердяевымъ нѣтъ спора.

Но если порою налицо близость, то гдѣ же расхожденіе, звучащее такую острою непримиримостью?

Отъ выясненія этого вопроса зависитъ очень многое.

Заключается оно по моему глубокому убѣжденію только въ одномъ, на первый взглядъ какъ будто-бы даже и не очень существенномъ, на самомъ же дѣлѣ рѣшающемъ пунктѣ, въ томъ характерномъ для Н. А. Бердяева *аполитизмѣ*, который совсѣмъ не есть простое и безвредное отсутствіе лично у Н. А. Бердяева интереса къ политикѣ, но страстная и агрессивная борьба этого вліятельнаго мыслителя противъ всякой политики, какъ противъ какого-то губительнаго «*мракобѣсія*». Аполитизмъ этотъ представляется мнѣ въ настоящее время, да еще у русскаго религіознаго философа — общественника, явленіемъ не только вреднымъ, но и внутренне ложнымъ, причемъ не для политики только, а прежде всего для самой метафизики. Вреднымъ, во первыхъ, потому, что мѣшаетъ Н. А. Бердяеву *точно* сформулировать, или если и не сформулировать, то описать свой идеаль новаго средне-вѣковья; во вторыхъ потому, что мѣшаетъ ему *дѣйствительно* защищать свой идеаль; внутренне-же ложенъ на томъ основаніи, что онъ, аполитизмъ, почти никогда не бываетъ дѣйствительно чистымъ, непримѣснымъ аполитизмомъ, а обыкновенно прикрываетъ собою тѣ или инныя политическія пристрастія, причемъ по цѣлому ряду причинъ чаще правыя, чѣмъ лѣвыя.

Большинство такъ называемыхъ «лѣвыхъ» считаютъ Н. А. Бердяева опредѣленнымъ политическимъ реакціонеромъ. Опредѣленіе это уже по одному тому не можетъ быть вѣрнымъ, что вся духовная устремленность Н. А. Бердяева существенно *внеполитична* и въ своей *внеполитичности* революціонна. Органической пороки политической реакціонности — *близорукость*. Органической пороки вѣсѣхъ Бердяевскихъ писаній и всего его міросозерцанія — *дальнозоркость*. Онъ не держится ни за какія социальныя, экономическія или политическія привилегіи своего класса и даже своего историческаго дня. Онъ весь въ дальяхъ прошлаго и будущаго. Весь недостатокъ его міросозерцанія въ томъ, что *вѣчность*, которою онъ живетъ, имѣетъ у него только *два измѣренія*: прошлое и будущее, но не имѣетъ третьяго измѣренія — измѣренія *настоящаго*. Если Н. А. Бердяевъ вообще вреденъ дѣлу демократіи, то не потому, что онъ *правый*, а потому, что онъ не *сегодншній*.

Для него аксіома, что социальный вѣсѣхъ трудящихся народныхъ массъ безмѣрно увеличится и что «нѣтъ возврата къ сословно-дворянскому или классово-буржуазному строю». Признаніе это не только не звучитъ у него злобой, но не звучитъ даже и особою горечью. Я знаю много «правыхъ» людей, которыхъ полное отсутствіе въ міроощущеніи Н. А. Бердяева не только политическаго, но культурнаго и бытового легитимизма рѣшительно злитъ. Онъ для нихъ не правый, а никакой — *безбытный, фантазирующій интеллигентъ*.

«. Да и на самомъ дѣлѣ, что-же въ сущности, реакціоннаго въ заманчивой картинѣ того «Новаго Средневѣковья», которая предносится Н. А. Бердяеву? «Новое Средневѣковье будетъ въ высшей степени народно... въ судьбахъ государства будутъ играть большую роль трудящіяся массы, народные слои, ...въ Россіи господствующую роль будутъ играть крестьянство; ...массы эти сами будутъ стремиться къ профессиональному, корпоративному представительству и самоуправленію, «къ совѣтскому принципу», въ истинномъ, реальномъ смыслѣ этого слова... возможно, что единство общества и государства выльется въ формы монархическія, но *принудить* народъ къ монархіи нельзя... монархія и для монархиста не есть *конкретная* задача... будущія общества будутъ, конечно, трудными обществами... праздность привилегированнаго слоя

новой исторіи прекратится... аристократія сохранится навѣки, но будетъ скорѣе психической, чѣмъ социологической категоріей... будетъ поставлена проблема о религиозномъ освященіи труда... выработается особое монашество въ міру... центръ тяжести будетъ перенесенъ со средствъ жизни, на цѣли жизни... большую роль будетъ играть женщины, предназначенны быть женами-мурноносцами... это будетъ связано съ кризисомъ стихіи рода и родовой семьи... христіанство не можетъ осуществить своихъ упованій въ той рождающей стихіи, которая обращена къ дурной безконечности смѣняющихся поколѣній».

Можно-ли на основаніи этого предносящагося Н. А. Бердяеву идеала «Новаго Средневѣковья» сказать, что Бердяевъ «правый»? Ясно, что нѣтъ. Конечно, его «Новое Средневѣковье» можетъ легко стать великимъ соблазномъ для всяческихъ реакціонныхъ настроеній, но само по себѣ оно уже по одному тому скорѣе революціонно, чѣмъ реакціонно, что отрицаетъ ту стихію рода и ту смѣну поколѣній, которыя являются оплотомъ всякаго консерватизма и всякой реакціи. Нѣтъ, самъ Н. А. Бердяевъ, дѣйствительно, ни «лѣвый», ни «правый», онъ никакой, но никакой не только потому, что онъ выше всѣхъ политическихъ различій, но и потому, что всѣ какъ ни какъ вводимыя имъ политическія понятія страдаютъ безнадежно приблизительностью и неточностью. Возьмемъ для примѣра хотя-бы его положеніе, что будущая, преимущественно крестьянская Россія будетъ строиться по принципу профессиональнаго представительства на основѣ «идеальныхъ совѣтовъ». Допустимъ, что это положеніе истинно. Но развѣ оно въ той формѣ, въ которой его высказываетъ Н. А. Бердяевъ, что либо говорить? Думаю, что нѣтъ. О «профессиональномъ представительствѣ» и «идеальныхъ совѣтахъ» говорятъ нынче очень много и очень разные люди. И большевистствующіе лѣвые с.-р., и отрицающіе демократію народолюбцы (наши евразійцы и нѣмецкіе расисты), и многіе представители социалистической демократіи. А потому сказать въ общихъ чертахъ, что профессионально-корпоративное представительство лучше партійно-парламентскаго, значить вообще ничего еще не сказать. Формула «идеальныхъ совѣтовъ» требуетъ уточненія, причемъ она требуетъ его, какъ всякая общественно-политическая формула не столько въ направленіи болѣе

конкретнаго, болѣе расчлененнаго раскрытія, что всегда ведетъ только къ пустому политическому прожектерству, сколько въ направленіи указанія пути, по которому надо итти къ ея реализаціи. *Путь къ идеѣ всегда есть существеннѣйшая часть ея самой: и пройденный до конца — онъ всегда остается въ ней, опредѣляетъ ее.*

Если это вѣрно по отношенію ко всѣмъ идеямъ, то это особенно вѣрно по отношенію къ идеямъ общественно-политическимъ. Ихъ уточненіе немислимо безъ указанія того пути, по которому необходимо итти къ ихъ реализаціи. Путей же къ политическому устроению Россіи, хотябы и на основаніи доведеннаго до совершенства «совѣтскаго принципа» въ послѣднемъ счетѣ есть только три: или путь сотрудничества съ большевиками, или путь диктаторскаго преобразования, или путь демократическій. Иного пути: «ни лѣваго», ни «праваго», ни «средняго» — нѣтъ.

Какимъ-же изъ трехъ путей предлагаетъ итти Н. А. Бердяевъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ Бердяевъ не даетъ, онъ вообще его не ставитъ, считая, что подлинная духовная жизнь одинаково чужда всѣмъ политическимъ направленіямъ, одинаково враждебна какъ лѣвому такъ и правому «мракобѣсію».

Такой аполитизмъ гораздо больше, чѣмъ аполитизмъ, ибо онъ не только отсутствіе интереса къ политическимъ путямъ осуществленія сверхполитическаго идеала «Новаго Средневѣковья»; но и *отказъ отъ уточненія самаго идеала, который существенно опредѣляется ведущими къ нему путями.*

Не въ томъ грѣхъ Н. А. Бердяева, что онъ не даетъ никакихъ конкретныхъ политическихъ формулъ, а въ томъ, что, презирая всѣ эти формулы, онъ не выходитъ изъ приблизительности и въ отношеніи своего метафизическаго идеала «Новаго Средневѣковья».

Но грѣхъ Бердяевскаго аполитизма не только въ томъ, что онъ мѣшаетъ ему уточнить свой идеалъ новой духовной жизни, но мѣшаетъ также и всякой дѣйственной борьбѣ за него.

Всецѣло раздѣляя борьбу Н. А. Бердяева противъ

политиканства старорежимныхъ «правыхъ» и старорежимныхъ «лѣвыхъ», всецѣло присоединяясь къ его положенію, что оба явленія одинаково основаны на отсутствіи правильнаго ощущенія іерархіи цѣнностей, которая не можетъ мыслиться увѣнчанной политикой, какъ таковой, мы все же думаемъ, что стремленіе уйти отъ *самодовольствующей* политики, политиканства, не должно превращаться въ отрицаніе всякой политики, т. е. въ отрицаніе политики, какъ *существенной территоріи*, на которой происходитъ сейчасъ борьба добра и зла.

Надо конечно стоять, какъ это утверждаетъ Н. А. Бердяевъ, *надъ* противоположностью «лѣвыхъ» и «правыхъ», ибо всякая существенная и глубокая работа вѣ любой сферѣ творчества и культуры неизбѣжно предполагаетъ стояніе *надъ* этой сферой; только потому Платонъ, Николай Кузанскій, Лейбницъ и Гегель — величайшіе философы міра, что ихъ философствованіе возвышается надъ сферою философіи, и потому только Данте, Гете, Толстой и Достоевскій величайшіе художники, что ихъ искусство укоренено въ сверхъискусствѣ.

И совершенно такъ же, какъ обстоитъ дѣло въ сферѣ философіи и искусства, оно обстоитъ и во всѣхъ остальныхъ сферахъ. Все величайшее всюду и вездѣ совершается на путяхъ жертвеннаго самозабвенія, а не на путяхъ корыстнаго самоутвержденія.

«Jedes wahre Dringen ist mit Notwendigkeit ein Darüber», — такъ прекрасно формулировалъ недавно эту мысль одинъ изъ нѣмецкихъ гегельянцевъ. Но если, такимъ образомъ, неизбѣжно не только всякому человѣку, но даже и профессиональному политику стать *надъ* «элементарнымъ противопоставленіемъ» «лѣвыхъ» и «правыхъ» и наоборотъ, то никому нельзя стоять, какъ предлагаетъ Н. А. Бердяевъ, *внѣ* его», и въ особенности нельзя въ наши дни, да еще по отношенію къ Россіи, въ которой какъ разъ на *политической территоріи* происходитъ сейчасъ, какъ сильнѣе и острѣе всѣхъ насъ чувствуетъ быть можетъ Н. А. Бердяевъ, рѣшающая борьба изъ за *последнихъ духовныхъ цѣнностей*.

Конечно, дѣло не въ томъ, чтобы защищать лѣвые или правыя позиціи, какъ таковыя, монархію или республику, дворянство или крестьянство, право на мѣсть доживающихъ отцовъ или надежды на счастье грядущихъ поколѣній, но въ томъ, что бы съ наиболѣе политически укрѣпленныхъ

позицій защищать Россію: — правду ея духовной жизни, ея внутреннюю свободу, ея подлинное лицо.

Ни минуты не оспариваю, что не всё должны участвовать въ этой борьбѣ въ качествѣ активныхъ политическихъ борцовъ. Согласенъ, — бесконечно важно, чтобы во время боя въ церквахъ и сердцахъ служились молебны о ниспосланиі побѣды. Но кому побѣды? Вотъ тутъ-то и начинается наше расхожденіе съ Н. А. Бердяевымъ; намъ ясно, что онъ ошибается, когда утверждаетъ, что всё не правы: и «лѣвые» и «правые» и «средніе», что онъ не правъ не только за себя, когда отказывается вступить на политическую территорію и *выбрать* между борющимися, но отрицаетъ и всёхъ вступившихъ и выбравшихъ. *Аполитизмъ возможенъ и даже правъ, когда политика меонична.* Но когда подъ ея знакомъ и водительствомъ рѣшаются, какъ это имѣетъ мѣсто въ Россіи, вопросы послѣдняго религіознаго вѣса и значенія, то воздержаніе отъ выбора и созданія своего собственного политическаго стана явно превращается изъ обыкновеннаго, безвреднаго аполитизма въ нѣчто гораздо большее, *въ отказъ отъ дѣйственной защиты своихъ духовныхъ, метафизическихъ позицій.*

Нападая, и не безъ основанія, на «лѣвое» и «правое» эмигрантское политиканство, Н. А. Бердяевъ пишетъ, что внутри Россіи лучше, что «тамъ, въ трагическомъ и страдальческомъ опытѣ переживанія послѣдняго и страшнаго насилія жизненно вынашивается правда свободы духа, и она не ставится въ *обязательную связь* съ политическими формулами».

Вспоминая свою жизнь вмѣстѣ съ Н. А. Бердяевымъ въ совѣтской Москвѣ до 1923 г., не могу не согласиться съ нимъ, что тамъ всё мы дѣйствительно были до конца свободны отъ всякаго политиканства, что тамъ не существовало разницы между С. Д., Н. С., К. Д. и октябристами, но не могу все-же забыть и того, что одна, но зато бесконечно крѣпкая и безоговорочно-обязательная связь между «правдою свободы духа» и «политической формой» тамъ все же была. Принадлежность къ *коммунистической партіи* механически лишала человѣка всякой возможности общенія съ членами междунартійнаго интеллигентскаго «ордена» духовной свободы, — по прекрасному выраженію И. И. Бунакова. И если Н. А. Бердяевъ можетъ сейчасъ никого не боясь утверждать, что хотя коммунизмъ и гораздо хуже гуманистической демократіи, все же въ мета-

физическомъ порядкѣ лучше, что выборъ наконецъ произошелъ и что у власти не демократы, а коммунисты, то онъ можетъ это какъ ни какъ только потому, что всеѣмъ своимъ пребываніемъ въ Россіи доказалъ и всею своею эмигрантскою дѣятельностью въ концѣ концовъ и дальше доказываетъ, что его принципиальный аполитизмъ, отрицающій «правое» и «лѣвое» мракобѣсіе, все же не представляетъ собою средства для приведенія къ одному знаменателю всеѣхъ безъ различія, вплоть до коммунистовъ включительно, что и для него тѣмъ самымъ, вопреки его словамъ, существенна и обязательна нѣкоторая, хотя бы и минимальная связь между правдой духовной свободы и политической формой.

Не будь этого существеннѣйшаго обстоятельства — мысль Бердяева, что хорошо, что выборъ наконецъ произошелъ въ пользу большевицкаго зла, приобрѣла бы весьма странный смыслъ, или вѣриѣе — страшную двусмысленность, ибо ясно, что *право на религиозное осмысливаніе зла можетъ обрѣтаться исключительно на путяхъ всемирной борьбы противъ него, а не на путяхъ какого-бы то ни было, хотя бы даже и частичнаго, потаканія и попустительства*. Потому, если Н. А. Бердяевъ дѣйствительно думаетъ, что коммунизмъ гораздо хуже гуманистической демократіи, то онъ, по моему, нравственно обязанъ въ борьбѣ между этими двумя силами стоять на сторонѣ послѣдней. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ въ борьбѣ между врачомъ и смертью быть со смертью противъ врача на томъ основаніи, что смерть онтологичнѣе, глубже медицины, что смерть священна, а наука только гуманна. Не ясно-ли, что ощущать правду и смыслъ побѣды смерти надъ врачомъ имѣть право лишь тотъ, кто до конца боролся всеѣми доступными ему средствами за сохраненіе жизни близкаго. Отчетливое признаніе этой присущей нравственному сознанію антиноміи совершенно неизбежно, чтобы отъ ощущенія сакральности смерти и профанности науки не дойти до предпочтенія палача врачу и отъ ощущенія метафизичности коммунизма и неовичности всякой политики до предпочтенія коммунистической «сатанократіи» всякому другому гуманистическому строю.

Такъ сама метафизическая позиція Н. А. Бердяева, его вѣра въ религиозную природу зла, его убѣжденіе, что большевицкій строй — «сатанократія», повелительно требуетъ отъ него рѣшительной поддержки всякой борьбы

противъ коммунизма, а въ томъ числѣ и политической.

Согласенъ, что борьба эта ведется не на достаточной глубинѣ, что метафизическому злу большевизма нужно противопоставлять метафизическое же реальное добро, что политическую борьбу противъ большевиковъ необходимо наполнить религиознымъ содержаніемъ, что ни «лѣвымъ», ни «правымъ» политиканствомъ большевиковъ не сбросишь. Все это во вторую очередь безусловно вѣрно. Но передъ тѣмъ, какъ начать наполнять борьбу новымъ содержаніемъ, надо признать правду самой политической борьбы. Ибо когда на политической территоріи рѣшаются вопросы духа и вѣры, то совершенно невозможно отдавать свои силы не этой борьбѣ, а патетическому отрицанію и «справаво», и «лѣваго» «мракобѣсія».

Какъ ни печально явленіе политика, утверждающаго абсолютное значеніе своей сферы, отрицающаго авторитетъ высшихъ цѣнностей, оно все же понятно. Говорятъ же, что плохъ солдатъ, не мечтающій стать генераломъ. Но если въ прошломъ и объяснимъ психологически враждебный религиозной жизни политикъ, то въ наши дни необъяснимъ принципиально враждебный всякой политикѣ религиозный мыслитель, ибо наряду съ наукой, искусствомъ, нравственностью и политика представляетъ собою поле борьбы религиозныхъ и антирелигиозныхъ энергій. И она — солдатъ, который не долженъ мечтать о генеральствѣ, но о которомъ долженъ мечтать генераль, желающій защищать свое правое дѣло.

До сихъ поръ я доказывалъ, что несостоятельность Бердяевского аполитизма заключается только въ томъ, что, отрицая всякую внутреннюю правду за современною политической жизнью, онъ лишаетъ свою метафизическую позицію *точности* и ея защиту — *дѣйствительности*. Но быть можетъ болѣе правы тѣ, которые склонны видѣть въ аполитизмѣ Н. А. Бердяева не индифферентный къ «лѣвымъ» и «правымъ» аполитизмъ, а характерную форму защиты «правыхъ» позицій. Въ пользу послѣдняго мнѣнія говорить прежде всего очень большая трудность повѣрить въ дѣйствительный, непримѣнный аполитизмъ мыслителя, внутренне говорящаго вопросами общественной и полити-

ческой жизни, ученика Маркса, Соловьева и Ж. де Местра. Самъ Н. А. Бердяевъ, правда, говоритъ, что онъ такой же ни «лѣвый», ни «правый», какъ Ницше и Вл. Соловьевъ, но вѣрно-ли, что оба эти мыслителя были аполитичны? Думаю, что нѣтъ, думаю, что Ницше въ послѣднемъ счетѣ былъ такимъ-же правымъ, какъ Соловьевъ — лѣвымъ.

Ницше (говорю о писателѣ-идеологѣ, не о нѣмомъ страдальцѣ) — артистъ, эстетъ, язычникъ; его самая значительная книга: — «Воля къ власти»; самая большая мысль: — «сверхчеловѣкъ», самыя страстныя чувства: восторгъ о самодовлѣющей замкнутой личности и презрѣніе къ массамъ. Его неправда и его правизна въ томъ, что онъ можетъ оставаться правъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ трагиченъ, одинокъ и непонятенъ. Всякая попытка популяризаціи — его уничтожаетъ. Ницше, разгаданный Шнейглеромъ и превращенный въ настольную книгу для Стиннесовъ и «расистовъ», утверждающихъ, что Германія не побѣдила потому, что она измѣнила Вотану въ пользу Христа, — ужасенъ своею черною реакціонностью.

Совсѣмъ иное Вл. Соловьевъ: — поэтъ, общественникъ и христіанинъ. Не «Воля къ власти», а «Оправданіе добра» — его самая большая мысль и забота. Аристократизмъ одинокой личности никогда не былъ его кумиромъ и ближнихъ онъ никогда не ощущалъ «массой». Его правда и его «лѣвизна» въ томъ, что онъ не для немногихъ, а для всѣхъ, что упрощать его міросозерцаніе совсѣмъ не значитъ его искажать, что никакими усиліями изъ его писаній не сдѣлать настольной книги не только для Маркова II, но и для Струве.

Эту глубокую внутреннюю «лѣвизну» Вл. Соловьева самъ Н. А. Бердяевъ прекрасно понималъ, когда совсѣмъ въ духѣ Соловьева писалъ, что «религіозное начало личной свободы и личной любви должно быть соединено съ правдою социализма», въ которомъ есть объективная справедливость, отблескъ вѣчной правды, обязательной для каждаго существа.

Эти «признанія», о которыхъ Н. А. Бердяеву напомнилъ въ своей статьѣ М. В. Вишнякъ, безконечно далеки отъ тѣхъ гнѣвныхъ, несправедливыхъ проклятій по адресу демократовъ и социалистовъ, отъ тѣхъ заносчивыхъ ощущений личности, аристократизма и бѣлой кости, которыми пламенѣтъ «философія неравенства».

Сравнивая Бердяева 1906 года съ Бердяевымъ 1923 года, нельзя не чувствовать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ опредѣленно эволюционировалъ отъ Соловьева къ Ницше, сдвинулся слѣва направо, и что его аполитизмъ не такъ аполитиченъ, какъ это ему самому кажется.

Да и трудно человѣку, воспитанному въ традиціяхъ русской общественной мысли, искренне вѣрить въ возможность непримѣснаго аполитизма, слишкомъ ужъ долго и тѣсно сосѣдствовалъ нашъ отечественный аполитизмъ съ весьма правой политикой.

Но и кромѣ того, — выдвинулъ-ли Н. А. Бердяевъ какіе-либо новые и основательные доводы въ пользу того, что его прежняя (Соловьевская) точка зрѣнія на социализмъ, какъ на отблескъ вѣчной правды, и не вѣрна и вредна? Обосновалъ-ли хотя какъ-нибудь свое новое положеніе, что всѣ демократы, социалисты и интернационалисты были всегда и повсюду убійцами, и что между ними и большевиками дѣйствительно есть прямая связь зависимости и отвѣтственности? Ничего подобнаго онъ даже и не пытался сдѣлать. Его гнѣвные нападки на всѣхъ освободителей Россіи явно продиктованы не какимъ-либо новымъ постиженіемъ, а тѣмъ, что З. Гиппиусъ назвала «соблазномъ о свободѣ». «Соблазниться о чемънибудь на религіозномъ языкѣ значитъ ослѣпнуть, заворожиться такъ, чтобы уже во всемъ и вездѣ видѣть только предметъ соблазна».

Увидавъ, и выполнѣ, конечно, правильно, въ большевицкомъ разгромѣ Россіи предательство свободы, Н. А. Бердяевъ всюду и вездѣ видитъ то же самое: въ демократахъ, либералахъ, социалистахъ, толстовцахъ и т. д. Онъ уже не отличаетъ ни ступеней, ни отгѣнковъ, ни направленій. Онъ все беретъ въ предѣлѣ, въ крайней точкѣ, тѣмъ же самымъ большевицкимъ жестомъ, который смутилъ его соблазниться о свободѣ.

Стилистически — «философія неравенства» вполне опредѣленный большевицкій плакатъ. Та-же выразительная упрощенность всѣхъ очертаній; такъ же запальчивъ темпераментъ; тотъ-же огромный скачекъ (у большевиковъ отъ царя до меньшевика, у Н. А. Бердяева отъ большевика до толстовца); то-же полное отсутствие вдумчивости, задумчивости, тишины, вывѣренности сужденій, внимательности и справедливости. Больно, непосредственно больно и страшно читать, какъ Н. А. Бердяевъ раздѣливается

съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ, въ которомъ, конечно, то же были и громадный идеализмъ, и настоящая жертвенность и свои мученики: часто люди, антирелигіознаго сознанія, но еще чаще люди бессознательно религіозные, которые, конечно-же, шли на свою все-таки тяжелую жизнь не ради «зависти», и не ради «корысти» и «ненависти къ духовной свободѣ», какъ это изображаетъ Н. А. Бердяевъ.

Нѣтъ, конечно же, Н. А. Бердяевъ дѣйствительно соблазнился о свободѣ, но это ни въ какой мѣрѣ и степени не значить, чтобы онъ не чувствовалъ ея. Оба явленія не только не исключаютъ другъ друга, но, наоборотъ, тѣсно связаны между собою. Потому Н. А. Бердяевъ и соблазнился «о свободѣ», что онъ глубоко, онтологически свободолобивъ. Не будь ему свобода дороже всего въ мірѣ, большевицкое предательство ея не повергло бы его въ то состояніе отчаянія, гнѣва и скорби, въ которомъ онъ ничего не чувствуетъ, кромѣ всюду и вездѣ свершающагося оплеванія и распинаанія свободы.

Конечно Н. А. Бердяевъ испугался не свободы, а *за свободу*, но испугавшись за нее, онъ потерялъ голову и началъ не широкое наступленіе на предателей свободы, а поспѣшное очищеніе всѣхъ плацдармовъ предварительной борьбы противъ нихъ: политику, социализмъ, демократію, науку, гуманизмъ.

Въ этомъ преждевременномъ отступленіи Н. А. Бердяева къ послѣднимъ религіознымъ позиціямъ и заключается глубокая правда выдвинутаго противъ него обвиненія въ соблазнѣ «о свободѣ», противъ котораго ему не удалось сказать въ своемъ письмѣ ничего существеннаго и убѣдительнаго.

То, что Н. А. Бердяевъ «соблазнился о свободѣ» не можетъ быть по моему никакимъ образомъ поставлено въ вину его христіанской и религіозно-философской позиціи. Наоборотъ, какъ разъ Бердяевская позиція представляется мнѣ особенно сильной и пригодной для защиты не только небесной свободы, но и всѣхъ земныхъ свободъ.

Какъ Достоевскаго, такъ и Н. А. Бердяева мучаетъ не столько теологія, сколько антропологія. Онъ все время въ сущности рѣшаетъ не загадку о Богѣ, а загадку о чело-

вѣкъ; тема же о человѣкѣ для Бердяева прежде всего тема о религіозной свободѣ человѣка, о свободѣ человѣческаго творчества, о свободной любви человѣка къ Богу. Религіозный антропологизмъ Н. А. Бердяева доходитъ до прозрѣнія трагическихъ страстей въ нѣдрахъ Божественной жизни, до утвержденія отношенія Бога и человѣка, какъ драмы свободной любви. Для своеобразной гностики Н. А. Бердяева характерно ожиданіе, что въ отвѣтъ на Божіе откровеніе человѣку въ исторіи должно состояться встрѣчное откровеніе человѣка Богу. Въ центрѣ религіознаго міросозерцанія Н. А. Бердяева стоитъ, такимъ образомъ, человѣкъ творецъ, отъ свободнаго, религіознаго подвига котораго зависятъ религіозныя судьбы міра.

Не знаю, можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ въ самомъ тембрѣ религіознаго міросозерцанія Н. А. Бердяева опредѣленно слышится не только поэзія трубадуровъ, не только звонъ рыцарскихъ доспѣховъ и тишина монашескихъ молитвъ, но и гораздо болѣе поздніе звуки какого-то уже Возрожденскаго паюса о религіозной свободѣ творчества, хотя-бы и вопреки средневѣково-церковному легитимизму.

Всякій легитимизмъ вообще глубоко чуждъ Н. А. Бердяеву, и культурный, даже и бытовой. Въ православіи Бердяева совсѣмъ не чувствуется исторически крѣпкой, бытовой угажденности старыхъ славянофиловъ. Несмотря на всю свою страстность, религіозность Н. А. Бердяева лишена всякой чувствительности: въ ней нѣтъ чувства земли, плотяной теплыни. Для нея не важно, что Пасха всегда бываетъ весной, когда распускаются «клеякіе листочки». Православнаго человѣка Бердяевской складки почти невозможно представить себѣ съ лошадыю въ поводу по веснѣ на выгонѣ, во время молебствія.

Казалось-бы отъ всѣхъ этихъ чувствъ: отъ чувства личности, отъ чувства творчества, отъ чувства безытнотной, надземной свободы прямой путь къ глубокому, внутреннему пріятію всей новой исторіи, какъ эпохи встрѣчнаго откровенія человѣка Богу. Вѣдь вся проблема новой исторіи, проблема гуманизма, есть, конечно же, прежде всего проблема свободы личности и свободы творчества. Теологія — тема Средневѣковья, антропологія же, та религіозная антропологія, которая опредѣляетъ собою всю концепцію Н. А. Бердяева, есть, конечно-же, величайшая тема отрицаемаго Бердяевымъ гуманизма. Воз-

рождение поставило проблему свободы науки и свободы искусства; реформація — свободы религиозной совѣсти; англійская революція связала эти проблемы съ правами человѣка и гражданина; права человѣка и гражданина — основной догматъ политической демократіи; демократія есть, такимъ образомъ, по своей религиозной первосущности исповѣданіе свободы личности и свободы творчества.

Утвержденіе Н. А. Бердяева, что это не такъ, что «не въ демократіи, а въ христіанствѣ открылось абсолютное значеніе человѣческаго лица» — вѣрно, но какъ возраженіе, совершенно несостоятельно. Нельзя христіанство противопоставлять демократіи. Христіанство вѣчная «въ небесахъ заданная» человѣчеству тема. Демократія же одна изъ попытокъ ея разрѣшенія на землѣ. И демократія, какъ исповѣданіе лица, противоположна, конечно, не христіанству, а всего только средневѣковой теократіи (въ смыслѣ церковно-государственнаго устройства человѣчества). Оттого, что теократія не устроила на землѣ свободного человѣческаго лица, оттого, что она не разрѣшила проблемы свободного творчества, оттого, что она слишкомъ односторонне жила теологіей и была недостаточно взволнована Бердяевской темой религиознаго антропологизма, оттого она и должна была уступить мѣсто гуманизму и демократіи.

Царская Россія пала въ концѣ концовъ по той-же причинѣ, по которой пала средневѣковая теократія: оказалась не въ силахъ построить русскую жизнь на основѣ той самой христіанской свободы лица, которую защищаетъ Н. А. Бердяевъ. Борьба противъ монархіи, русское освободительное движеніе, какъ бы ни были въ психологическомъ порядкѣ безрелигиозны его отдѣльные представители, защищало все же глубоко религиозную тему свободы личности и свободы творчества. Эта борьба русской демократіи не кончена, а, быть можетъ, только еще начинается. Правда грядущаго строительства Россіи не въ забвеніи темы освободительнаго движенія, а въ ея преображеніи. Отсутствие въ русской революціонной демократіи національнаго зроста и религиознаго чувства привели къ большевикамъ. Большевики должны привести русскую демократію къ національному религиозному углубленію своего сознанія. Если грѣхъ безрелигиозности, а отчасти и

национальности демократіи въ прошломъ и понятенъ и простителенъ на томъ основаніи, что эти верховныя цѣнности были какъ бы узурпированы самодержавной реакціей, то теперь, когда на нихъ не лежитъ ничьей властной и тяжелой руки, онъ уже не можетъ быть ни оправданъ, ни прощенъ. Тема свободы Россіи, главная тема русской демократіи, должна сейчасъ защищаться на новой высотѣ, но защищаться она все-же должна.

Защищать демократію въ Россіи совѣмъ не значитъ защищать партійное крошечіе національной жизни, продажныя газеты и продажныхъ депутатовъ, а нѣчто совершенно другое. Это значитъ, во первыхъ: — защищать свободолобіе и жертвенность русской интеллигенціи, ея непримиримость съ социальнымъ зломъ, ея духовную взволнованность, ея отрицаніе мѣщанской жизни, ея «большую совѣсть», ея совершенно особенную и единственную въ Европѣ духовную структуру. Сейчасъ, когда въ модѣ оплевываніе и даже самооплевываніе интеллигенціи, необходимо какъ можно чаще напоминать, что это все-же крѣпкая «орденская» организація съ законченнымъ міросозерцаніемъ, съ опредѣленнымъ морально-бытовымъ укладомъ жизни, располагающая очень большой силой и играющая въ Россіи очень большую роль.

Во вторыхъ, защищать демократію значитъ защищать «народнаго» русскаго человѣка — по выраженію П. П. Муратова, вѣру въ его творческую силу, убѣжденіе, что важно не только, чтобы онъ былъ сверху устроенъ на Руси, но чтобы онъ снизу устраивалъ Россію.

И, въ третьихъ, это значитъ испытывать жажду практическаго устроенія Россіи, тоску по хозяйственной работѣ, тяготѣніе къ политическому творчеству и опредѣленный вкусъ къ нему. Быть демократомъ въ этомъ смыслѣ значитъ вѣрить, что Богъ, «русскій Богъ», не можетъ заниматься исключительно вопросами богословія, метафизики и философіи исторіи, а долженъ сейчасъ оттачивать топоръ, собираясь строить разрушенную Россію.

Вся моя направленная противъ Н. А. Бердяева полемика и была, въ концѣ концовъ, всего только защитой распорядительнаго, хозяйственнаго, божьяго топора противъ его слишкомъ катакомбныхъ, сплюснутыхъ Достоевскимъ и не помнящихъ вчерашняго дня конструкцій и настроеній,

Ф. Степунъ.